

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

УДК 008.009:39

А. Г. Миненко

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА И ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

В статье ставится задача выявления концептуальных оснований различных подходов к исследованию национального характера русских. Обосновывается приоритетное значение системного и историко-генетического методов изучения национального характера, анализируются имеющиеся их научные разработки. Предлагается в системном ключе этапное видение развития русского характера.

Ключевые слова: адаптация, генезис, гомеостазис, национальный характер, православие, развитие, система, трансформация.

A. G. Minenko

THE PROBLEM OF THE GENESIS AND DEVELOPMENT STAGES OF THE RUSSIAN NATIONAL CHARACTER

The article seeks to identify the conceptual foundations of various approaches to the study of Russian national character. It substantiates the priority of the historical-genetic method of studying the national character, analyzes the existing researches. It proposes the landmark vision of the Russian character in the system key.

Keywords: adaptation, genesis, homeostasis, national character, orthodoxy, development, system, transformation.

В академическом определении под национальным характером понимаются собственные этническим или национальным группам доминирующие паттерны внешнего поведения, а также общие глубинные психологические механизмы [1, с. 23]. Фактически все современные определения национального характера так или иначе восходят к идеям европейской «психологии народов» второй половины XIX в. Начало разработке этого направления исследований было положено в Германии М. Лацарусом (1824–1903) и Х. Штейнталем (1821–1899), которые стали издавать с 1859 г. «Журнал психологии народов и языкознания». Согласно их позиции, «воздействие телесных влияний на душу вы-

зывает известные склонности, тенденции, предрасположения, свойства духа, одинаковые у всех индивидов, вследствие чего все они обладают одним и тем же народным духом» [2, с. 114–115]. Главным недостатком этой позиции явилось то, что она предполагала использование данных, полученных при изучении психологии индивидов, для формулировки законов, объясняющих поведение и культуру больших масс народонаселения. Поэтому тезис о тождестве индивидуальной и социально-групповой психологии был решительно отвергнут ближайшими последователями, которые в целом с энтузиазмом восприняли идею развития национальной характерологии – В. Вундтом, Г. Лебоном,

А. Фулье и др. Несмотря на это, в американской и британской культурной антропологии XX в., в таких направлениях, как «культура-и-личность», исследования национального характера (1930–1960-е гг.), этот методологический принцип, благодаря обращению к глубинной психологии З. Фрейда, активно использовался, создано на его основе немало работ, но все же окончательно он был признан ведущими представителями психологической антропологии тупиковым к началу 1960-х годов (см. [3, с. 33–63, 113–154]).

Другое направление – это параллельное развитие исследований национального характера, связанное с поиском таких проявлений «коллективной души», которые позволяли бы заключать о наличии надиндивидуальных психических феноменов, обладающих самостоятельным статусом и механизмами возникновения в сравнении с феноменами индивидуальной психики членов социальной группы (народа, нации). Например, немецкий философ и основатель научной психологии В. Вундт (1832–1920) ясно определил свое понимание предметного поля психологии народов, задача которой, с его точки зрения, состоит в анализе особенностей *языка, мифов, обычаев* различных культур с целью выяснения их роли в функционировании «народного духа» [4, с. 225].

Нам представляется, что одним из первых ученых, предложивших выход из методологического тупика, в котором оказалось изучение национального характера, явился русский философ и социолог П. А. Сорокин (1889–1968). В написанной в 1960-е гг. работе «Основные черты русской нации в двадцатом столетии» он ясно определяет слабость исследований национального характера в психологической антропологии, которую видит в отрицании глубоких различий между простой совокупностью индивидов и сложными социальными и культурными системами. Отсюда вытекает тезис о невозможности пере-

носа результатов исследования произвольной выборки представителей определенных групп на этническую составляющую социокультурной системы в целом [5, с. 465].

Ключевое понятие в позиции П. А. Сорокина – «система». Он указывает на сложное иерархическое строение такой системы, как нация, четко отличает нацию от государства и этнических групп. Это позволяет ему дать определение русской нации, которое в настоящее время звучит резким диссонансом в силу принятой в 1990-е гг. идеи «нации-гражданства»: «Русская нация состоит из трех основных ветвей русского народа – великороссов, украинцев и белорусов, а также из русифицированных или ассимилированных этнических групп, вошедших в состав дореволюционной Российской империи и современного Советского Союза. Все другие нерусские этнические или территориальные группы, которые входили или входят в состав Российского или Советского государства, не принадлежали и не принадлежат к русской нации» [5, с. 469].

Как же возникают значимые черты русской нации, или ее национальный характер? Ответ формулируется строго в русле системных представлений о том, что свойства всякой системы отличаются от свойств ее структурных компонентов, взятых как в отдельности, так и суммарно. Соответственно, основные черты нации «диагностируются» на основе объективных и исторически проверяемых фактов при условии ее рассмотрения как целостной системы со специфическими структурными и динамическими чертами, изменяющимися на протяжении ее исторического развития. К числу главных черт он относит «сравнительно длительное существование, огромную жизнеспособность, замечательное упорство, выдающуюся готовность ее представителей идти на жертвы во имя выживания и самосохранения нации, а также необычайное территориальное, де-

мографическое, политическое, социальное и культурное развитие в течение ее исторической жизни» [5, с. 472].

Черты эти, конечно, взяты им по разным основаниям. Например, территориальное расширение не есть черта характера, а скорее факт, свидетельствующий о жизнеспособности русской нации, выражающейся в этой территориальной экспансии. Но важен общий принцип, который можно считать действительно фундаментальной методологической установкой. Черты национального характера формируются и закрепляются не по предопределенности функционирования генетической программы, или реализации Божественного плана, замысла Бога о нации, как считал В. С. Соловьев, а прижизненно, в естественноисторическом процессе бытия нации, цель которого состоит в самосохранении и воспроизводстве себя как целого.

П. А. Сорокин заявил принцип системного подхода к нации и национальному характеру лишь в общем плане, но параллельно в США формировалось подобное представление о культурно-эволюционном процессе – более развернутое в системном отношении. Речь идет о концепции развития культурных систем американского культурантрополога Л. Уайта (1900–1975). Как известно, Уайт является автором идеи создания самостоятельной интегративной науки о культуре – культурологии, которую он обосновал в работе под названием «Наука о культуре (1949). В ней же он вводит представление о системном устройстве культуры, позднее получившее законченное выражение в итоговой работе «Концепция культурных систем» (1975) (см. [6]). Культуру Уайт рассматривает как средство осуществления жизненного процесса особого вида, *Homo sapiens* [7, с. 392]. В другом месте добавляет: культура – это «...механизм, который определенный вид животных – человек – использует в борьбе за выживание и существование» (цит. по [8, с. 234]).

Причем средство или механизм небиологической природы.

Мы не будем заниматься подробным анализом построений Л. Уайта, это уже делалось неоднократно. Отметим лишь, что Уайт четко различал культурную систему как абстрактный объект, в котором она моделируется как способ видовой адаптации рода «человек», и реальные культурные системы, основными историческими видами которых он считал племя и нацию. При этом нация явно отождествлялась им с этносом (народом, народностью), поскольку ее появление Уайт синхронизировал с зарождением аграрной экономики. Кроме того, культура выступает у него макросистемой, поскольку общество, социум с его социальными, экономическими и т. п. отношениями является лишь одной из подсистем культуры, наряду с технологической и идеологической подсистемами. И здесь нужно сделать одно полезное уточнение. Л. Уайт говорит о системе культуры, а П. А. Сорокин употребляет понятие «социокультурная система». В контексте обсуждаемой нами темы последнее более уместно. В подтверждение такого выбора можно обратиться к системно-деятельностной концепции культуры М. С. Кагана, в которой предметная, персонологическая и деятельностная модальности культуры, основанные на механизмах опредмечивания и распредмечивания культурной субстанции, связываются воедино деятельностью как социальным феноменом (см. [9, с. 36–54, 95–110]).

Базовые скрепы системной концепции культуры Уайта – понятия *адаптации* и *гомеостаза*. В настоящее время эта концепция воспринята и фундаментально развивается в российской культурологии, пожалуй, лишь Ю. С. Осокиным. Он отмечает, что культура есть сложная гомеостатическая система внебиологической природы, которая содержит совокупный опыт видového существования человека и обеспечивает накопление, воспроизводство и развитие видовых признаков

самого человека, а также относится к классу квазиживых адаптивных систем [8, с. 109]. Как и у всякой живой системы, ее цель состоит, прежде всего, в самосохранении посредством адаптации к среде. Самосохранение невозможно без достижения гомеостаза, под которым в естественных науках понимается свойство организма (или системы) удерживать свои характеристики в допустимых для его существования пределах – «внутренний гомеостазис». Кроме того, требуется еще обеспечение уравновешения взаимоотношений системы с внешней средой посредством создания оптимальных условий функционирования – «внешний гомеостазис» [8, с. 234].

Человек, конечно, не только животное, он не адаптируется к природной среде изменением своей анатомо-физиологической конституции, он сам адаптирует среду посредством социальной деятельности. Поэтому верное решение нашел еще в 1967 г. Э. С. Маркарян, выделивший человеческое общество в особый класс – адаптивно-адаптирующих систем, в отличие от преимущественно адаптивных животво-биологических (см. [10, с. 76–85]). Но это не отменяет того обстоятельства, что поскольку объективно задаваемая биосферой цель социальных систем остается прежней – достижение внутреннего и внешнего равновесия (гомеостаза), то первичной остается адаптация, в которой активное приспособление среды к своим потребностям выступает не целью, а лишь средством.

Мы полагаем, что русский национальный характер наиболее адекватно можно интерпретировать и объяснить на основе системных представлений о культуре. Русский характер, как и характер любой другой нации, формируется в процессе решения возникающих задач выживания социокультурной системы, репрезентируется в различных социально-психологических и поведенческих феноменах и выступает как качество, выполняющее специфическую функ-

цию преодоления возникающих «вызовов» (А. Тойнби) системе в целом. Системную природу можно считать первым значимым параметром национального характера, в том числе – русского.

С этим связана и феноменология национального характера. Как интегративный элемент большой социальной группы, характер представляет ее целостный срез. Поэтому при всем многообразии источников его изучения необходимо определить, где нужно искать проявления этой целостной реакции национального характера. Таковыми можно считать в первую очередь *волевые* проявления нации, о которых фактически свидетельствует и проведенный П. И. Сорокиным анализ черт русского характера. Волевые черты национальной характерологии акцентировали раньше также представители направления «психологии народов» второй половины XIX в. – Г. Лебон и А. Фулье (см. [11, с. 24 и др.]), только в современных дискуссиях о русском характере эта тема оказалась основательно забытой. Характер, так же как и менталитет, относится к наименее осознаваемым элементам психического склада наций, не представленным наблюдателю непосредственно. Поэтому сила и направления воли этносов и наций могут «диагностироваться» только по поведенческим проявлениям. Отсюда и источники постижения национального характера: это направления воли народа в повседневной борьбе за жизнь, которая отливается в культурно санкционируемые формы его *нравов* и *обычаев*, фиксируемых и передаваемых последующим поколениям в артефактах культурной памяти народа.

Второй важнейший параметр национального характера, наряду с системной природой, это *историчность* и, соответственно, его проявление в волевых реакциях народа уже не в повседневности, а в экстремальных, «пограничных» ситуациях, о которых свидетельствуют главные, отлагающиеся в его

совокупной памяти события исторического бытия, которые и выступают источником его изучения. В исследовательском плане момент историчности национального характера не менее важен, чем его системность. Он принципиально заявлен и использован уже в конце XIX в. в сочинении А. Фулье «Психология французского народа» [11, с. 16]. Но на исследования национального характера в XX столетии он повлиял, скорее, через популярный в России труд немецкого социал-демократа О. Бауэра «Социальный вопрос и социал-демократия», вышедший в русском переводе в 1909 г. Одна из наиболее значимых в нем тем – национальный характер, который понимается им не как совокупность всех физических и нравственных качеств нации, а как «особенности в направлении воли», выражающиеся в разных, зачастую противоположных, реакциях наций на одинаковые факторы [12, с. 115]. Историчность национального характера состоит в том, что он, по словам автора, есть «осадок истории данной нации <...> осадок судьбы предшествовавших поколений» [12, с. 20, 126].

История крупных народов, имеющих более чем тысячелетний период существования, не является плоско-эволюционной. Она имеет свою неровную динамику и этапность. Понятие культурной (социокультурной) динамики связано с понятием «изменения культуры», но не тождественно ему. По степени общности эти понятия, отображающие процессуальность и изменчивость социума и культуры, верно выстроены Ю. В. Осокиным. Наиболее общим у него является понятие «культурный процесс», охватывающее как воспроизводство наличного состояния социокультурной системы во времени, так и ее изменения, в том числе в крупных масштабах – трансформации. Последние и образуют «материю» культурной динамики. В настоящее время под культурной динамикой понимаются «изменения внутри культуры и во взаимодействии

культур, для которых характерна целостность, наличие упорядоченных тенденций, а также направленный характер» [13, с. 99]. Авторских вариантов определения типов культурной динамики – множество. Общепризнанным является выделение линейно-поступательного типа социально-культурной динамики, который получил исследовательскую интерпретацию в теориях прогресса XVIII–XIX столетий, а также в социально-эволюционистских концепциях второй половины XIX в. – у Г. Спенсера, Л. Г. Моргана, Э. Тайлора. Циклический тип динамики общества и культуры систематический характер принял в трудах итальянского мыслителя Дж. Вико (1668–1744). Популярна идея об особом русском типе социокультурной динамики, введенная в 1990-е годы А. С. Ахиезером, – об инверсионном развитии (см. [13, с. 100]).

Нельзя не отметить принципиальное пояснение Ю. В. Осокина, что термин «культурная динамика» характеризует именно адаптационную сторону реализуемых в системе культуры процессов социокультурного гомеостаза [8, с. 124]. Динамика определяется тем, что цель самосохранения «заставляет» систему в случае угрозы выхода из параметров, обеспечивающих ее жизнеспособность, существенно трансформироваться, чтобы не погибнуть. Каждая крупная трансформация, несмотря на преемственность нового состояния системы в сравнении с прежним, фактически порождает иной тип социокультурной системы. Это заставляет обратиться к исторической типологии культур. Типология неразрывна с историософскими концепциями культурно-исторического процесса, весьма многообразными и фактически научно недоказуемыми, как и непроверяемыми (см. [8, с. 306–320]).

Относительно русской истории популярна идея Н. А. Бердяева о ее неорганичности, резких разрывах между разными этапами, нарушениями преемственности, катастро-

физме. В «Русской идее» он выделяет пять периодов или «образов» России: Россия киевская, Россия времен татарского ига, московская, петровская, советская. И возможно появление новой России, по-современному – постсоветской [14, с. 15]. Однако при рассмотрении заявленной темы мы будем основываться на типологии А. Я. Флиера – более удобной для нашей цели и вполне аргументированной. В соответствии с российской научной традицией им выделяются следующие типологические периоды: Киевская Русь (с конца X по конец XIII в.), Московская Русь (с начала XIV о **конец XVII в.**), **имперская Россия** (с начала XVIII в. по сей день) (см. [15]). Включая эту типологию в контекст введенных понятий, отметим, что на каждом из этих этапов преемственно формировалась и функционировала специфическая социокультурная система, решавшая задачи самосохранения и развития страны. Русский национальный характер, как одна из ее подсистем, испытывает соответствующие трансформации, обеспечивая «ответы» на предъявляемые внешней средой внутренними процессами «вызовы» системе. С этой точки зрения, русский характер – реальность «текущая», поэтому непродуктивны попытки составить некие формальные перечни его базовых вневременных черт. Возможно, они полезны с точки зрения актуализации национального самосознания, но неверны с позиции принципа историзма. В. К. Трофимов, например, обобщая наблюдения русских философов, приводит такие черты русского менталитета, который отождествляется им с национальным характером: сердечное созерцание, безмерность жизненного порыва, стремление к абсолютным ценностям, «мы»-психология, противоречивость, любовь к свободе, национальная стойкость, всечеловеческая толерантность (см. [16]). Еще раньше в работе «Характер русского народа» (1959) Н. О. Лосский представил другой перечень основных черт русского характера – инте-

ресный прецедент проявления национального самосознания в условиях эмиграции, но столь же неисторичный. Увы! Ни одна из черт русского характера не является уникальной, «все есть у всех». Даже знаменитая противоречивость русской души, ее антиномичность, о которой много и увлекательно писал Н. А. Бердяев, совсем не уникальна. За три десятка лет до него совершенно то же самое писал А. Фулье о французском характере.

Абстрактный выход из методологической трудности, связанной с задачей упорядочения эмпирических наблюдений над русским характером, в общем-то, лежит на поверхности. Он состоит в том, что уникален не набор черт национального характера, а их конфигурация, соотношение, порядок. И об этом уже писали, в частности Д. С. Лихачев. Но здесь как раз и возникает вопрос, на который нет ответа: чем же определяются эти конфигурации и почему они столь различны у разных народов? Как уже отмечалось, ответ мы ищем в таких параметрах национального характера, как его системность и историчность.

Принцип историчности по отношению к русскому характеру, на наш взгляд, наиболее глубоко обосновал и использовал русский философ Г. П. Федотов (1886–1951). Но это было столь давно, что требуется актуализация его наследия. Федотов сознательно определяет свой подход к исследованию национального характера, который формировался у него постепенно, как подход исторический (см. [17, с. 178]). Еще в статье 1918 г. Федотов выражает несогласие с изложением данной темы только на основе современности или недавнего прошлого: «Лицо России не может открыться в одном поколении, современном нам. Оно в живой связи всех отживших родов, как музыкальная мелодия в чередовании умирающих звуков» [18, с. 44]. Позднее (1927) в работе «На поле Куликовом» он уточняет свой метод, еще более подчеркивая пластичность национального ха-

рактера: «Национальное самосознание есть непрерывно раскрывающийся духовный акт. <...> Самые устойчивые национальные характеристики приходится пересматривать, перестраивать, потому что мы имеем дело с подвижным объектом (курсив автора. – А. М.), с меняющимся образом» [19, с. 102].

Существенное продвижение в смысле четкости формулировок методология Федотова получила в крупной работе «Стихи духовные», вышедшей в свет в 1935 г. Здесь Федотов решительно соглашается с идеей антиномизма, противоречивости русского национального характера, предложенной Н. А. Бердяевым. Пишет: «Формула нации должна быть дуалистична. Лишь внутренняя напряженность полярностей дает развитие, дает движение – необходимое условие всякой живой жизни» [20, с. 12]. Но вместе с тем исторический подход заявлен как основной в постижении «души народа». В историчности национального характера значима его сословно-классовая дифференциация, необходимо учитывать также хронотоп – условия пространства и времени его реализации. Наконец, нельзя не обратить внимание у Федотова на точный образ народной души, которую он считает феноменом «музыкальным». Приведем основную методологическую «формулу» Федотова, которая наиболее точно передает суть его подхода: «Смена культурных форм во времени столь же существенна для национальной жизни, как смена звуков в музыке. Музыкальное произведение необратимо и не дано в существовании элементов. Такова и “душа народа”, которая раскрывается в истории и дана лишь в определенной последовательности исторических форм» [20, с. 12].

Этот подход не просто общетеоретическая установка, он реализован в самой крупной работе Г. П. Федотова о русском национальном характере – «Русский человек» (1938) (см. [17]). Здесь Федотов сравнивает свой метод исторической реконструк-

ции национального характера со снятием, слой за слоем (как с луковицы), культурно-исторических пластов, пока не дойдем до неразложимого ядра. Он прослеживает исторические напластования русского характера, оставленные варяжским, удельно-вечевым и новгородским формациями русской истории. Уделяет большое внимание «московскому человеку», которого рассматривает как самый могучий, устойчивый тип национального характера – «становой хребет России». Отдает дань имперскому человеку, который, с его точки зрения, двойится – «русский европеец», неутомимый строитель Империи, и вечный скиталец, «лишний человек» петербургского периода. Глубокие мысли высказывает Федотов и о трансформации русского характера в советский период первых двух десятилетий его истории.

Совершенно очевидно, что Федотов анализирует не абстрактно выделенные черты русского национального характера, а характерологические типы русского человека как порождение исторически конкретного типа общества и культуры или, по введенной терминологии, социокультурной системы. Таким образом, он снимает часть методологических трудностей, перед которыми стоит современный исследователь. Но нечто важное остается все же нерешенным в трактовке русского характера Г. П. Федотовым. Нам представляется, что это вопрос об основном, неразложимом далее ядре характера русского человека, о «славянской психее» – дохристианской основе народной души, связанной с «первобытной материей русского язычества». По поводу этого ядра и сам автор сомневается: «...найдем ли мы в русском человеке основное, неразложимое ядро? Может быть, вопрос поставлен неправильно?» [17, с. 181]. Федотов не первый, кто поставил этот вопрос, с решением которого связано множество теоретических трудностей. Характеры народов, не только русского, в исторически короткие сроки разительно меня-

лись – вплоть до противоположного. Рекордсменами здесь являются, видимо, русские и немцы, о чем свидетельствует множество наблюдений. Но если это так, если поведенческие проявления иногда явно говорят о радикальной «порче» национального характера, то можно ли «исправиться», возвратившись к этому неизменному, понимаемому как вполне положительное, ядру? Для русских это вопрос не академический.

Первенство в постановке проблемы устойчивого ядра в национальном характере принадлежит несомненно одному из известных представителей «психологии народов», знаменитому и блестящему историку европейской литературы и искусства И. Тэну (1828–1893), начавшему заниматься этим вопросом еще в 1860-е гг. В работе «Об идеале в искусстве» он вводит принцип, от которого впоследствии мало кто мог отказаться и который можно назвать принципом «геологического строения» национального характера. Мысль Тэна состоит в том, что устойчивость или подвижность народных характеров зависит от глубины залегания их пластов, которые он сравнивает с породами в геологии – известняки, мраморы, сланцы, а в глубине – «первобытный гранит, опора всего остального». Соответственно, в характерах народов выделяется подвижная, динамичная часть, в которой отлагаются краткосрочные исторические воздействия, и часть глубинная. Им впервые вводится понятие основного характера, который охватывает весь период существования того или иного народа. Приведем краткую его формулировку самим И. Тэном: «Любой народ, в свою продолжительную жизнь, переходит много... обновлений и все-таки, однако ж, остается самим собой не только в силу преемственности составляющих его поколений, но и в силу устойчивости основного его характера. <...> Это и есть первобытный гранит; он длится во всю жизнь народа и служит основным кряжем для всех позднейших

слоев, которые в последовательные периоды осядут на поверхность» [21, с. 276, 278]. Убедительно аргументировать это теоретически или продемонстрировать «правдоподобие» (И. Лакатос) данной гипотезы на эмпирическом материале до сих пор никому не удалось. Национальный характер не наследуется генетически, и четких механизмов преобразования наследственных программ человека в определенные фенотипические проявления (в том числе относительно характера больших социально-этнических групп) современная биологическая наука не сформулировала. Но это не означает ложности постановки самой проблемы. Мы отмечаем необходимость для исследователя национального характера все время держать ее в поле зрения.

Научное и вненаучное знание о русском национальном характере представляет собой в настоящее время множество его «образов», составленных пытливыми умами и представленными, начиная со времен Н. В. Гоголя, в литературно-художественной, публицистической, историософской и научной формах. И это не считая наблюдений внимательных иностранцев, которые свои впечатления о России и русских выражали в разного рода «Записках», составленных на основе дневниковых записей путешественников, дипломатов, а также лиц, состоявших на государственной службе в России. Они содержат множество сведений о нравах, массовом и индивидуальном поведении русских. Как «взгляд со стороны», изначально сориентированный на сравнение «своего» и «чужого», эти источники содержат в себе богатую информацию о разного рода гетеростереотипах национального характера русских. Особенно обширный перечень таких источников относится к XVI–XVII вв. Кроме того, мы имеем немало тщательно выполненных исследовательских разработок о русском характере и русскости в виде перечней «типичных» национальных черт. Естественным образом воз-

никают вопросы: что с этим делать, кому верить, что принять или отвергнуть, и вообще откуда что взялось в русской национальной характерологии?

Как уже говорилось, новые возможности постижения русского национального характера мы видим в сопряжении системного и исторического подходов. Системный анализ той или иной конкретной социокультурной реальности предполагает указание на системообразующий фактор. Нередко это делается формально, без определения его функциональности, поэтому нужно обратиться к первоисточнику. Понятие системообразующего фактора введено выдающимся советским психофизиологом П. К. Анохиным (1978) и определяется как «...фактор, который радикально ограничивает степени свободы участвующих в данном множестве компонентов» (цит. по [22, с. 43]). В. И. Карташев «расшифровывает» системообразующий фактор через понятие *причины*, определяющей избирательность вовлекаемых в систему компонентов и постановку их в отношения взаимодействия» [22, с. 44]. В образовании системы участвуют как внешний, так и внутренний системообразующий факторы. Первый определяет характер и диапазон реакций системы на внешнюю (геополитическую и природную) среду, второй – набор элементов и их связей как внутреннюю характеристику системы. Внешний фактор всегда и неизменно, можно сказать, от Рюрика до Путина, один и тот же. Равнинный характер, отсутствие естественных препятствий для вторжения, а со временем заманчивая для соседей, богатая природными ресурсами огромная территория страны обусловили навсегда военный, оборонный, армейский уклад политической подсистемы. Менялись детали, субъекты внутри и вне государства, но не менялась суть геополитического вызова, на который всегда приходилось и приходится отвечать, чтобы выжить – всем вместе, независимо от сословной, классовой и проч. принадлеж-

ности. Более сложным, динамичным, гетерогенным являлся внутренний системообразующий фактор. В отношении к национальному характеру является фактором детерминирующим, который действительно ограничивает степени свободы других детерминантов, «подстраивает» их под себя, и в конечном итоге обуславливает на каждом этапе социокультурной динамики их особую конфигурацию. Учитывая, что национальный характер развивается «прижизненно», на протяжении всего существования преемственно трансформирующейся социокультурной системы, можно с большей уверенностью предполагать появление тех или иных значимых черт характера народа, а также их связь с крупными событиями и вызовами.

В настоящей статье нет возможности эмпирически наполнить предлагаемую нами схему динамики русского национального характера в связи с динамикой русского общества и государства как социокультурной системы, поэтому ограничимся изложением общей схемы, оставляя пока «додумывание» читателю. Во взятой нами за основу типологической схеме русской истории и культуры А. Я. Флиера есть один неприемлемый момент. Период от Петра I до настоящего времени он считает единым – имперским – периодом. Однако советский этап русской истории, на наш взгляд, характеризуется появлением совершенно новых системообразующих факторов и образует особую социокультурную систему, поэтому никак не может рассматриваться вкуче с петровским периодом.

Наконец, два последних пояснения. Во-первых, системообразующие факторы социокультурной системы и, соответственно, детерминанты национального характера выстраиваются в иерархическую конфигурацию и делятся на две группы – статически-консервативные и динамичные. Разумеется, с определенной долей условности, ибо изменчивость и устойчивость свойственны лю-

бому социальному и культурному феномену, неотделимы друг от друга. Первые факторы, в той или иной модификации, присутствуют всегда, это константы; вторые могут ослабевать и даже полностью редуцироваться, находясь в рецессивном состоянии. Фактически любая система функционирует во времени так, что в интересах выживания и развития актуализирует на определенном этапе одни фундаментальные свойства, как системы, так и характера народа, и переводит в рецессивное состояние другие; на другом этапе может возникнуть уже другая иерархия и конфигурация этих свойств и факторов. Во-вторых, следует отметить особую роль государства и армии, на что обратил внимание А. Я. Флиер: «Российское общество с самого начала развивалось как общность в первую очередь политическая, где даже религия была одним из важнейших инструментов государственного строительства. Представляется, что ядром этого образования являлась армия и гражданская бюрократия (чья “военизированная” организация службы и ментальность близки к офицерскому корпусу). Россия строилась как бы вокруг своих вооруженных сил, и интересы армии в значительной мере определяли общую направленность политики Российского государства» [15, с. 112]. Действительно, государство Руси-России можно назвать динамической константой, в отличие от констант консервативных, мало меняющих свою природу на протяжении веков.

Итак, иерархии системообразующих факторов социокультурной системы и, соответственно, оснований детерминации русского национального характера представляют собой, по типологическим периодам русской истории и культуры, определенные цепочки. Первая позиция в них означает, что данный фактор является основным, определяющим специфику социокультурной системы и порождаемого ею национального характера, остальные подстраиваются под него. Обра-

тим внимание на то, что фактор, именуемый «русским трудом», является на протяжении веков самой консервативной составляющей и означает семейное трудовое хозяйствование – в противовес необоснованным «теориям» об исконном русском коллективизме, уравнительности, общинности. Каждая из цепочек требует эмпирической проработки, на основе которой хаотическая русская характерология может обрести какую-то упорядоченность и историческую последовательность своей феноменологии. Учитывая лимитированный объем статьи, остановимся несколько подробнее на самом близком к нам этапе развития русского характера – советском. Общая схема выглядит следующим образом.

Киевская Русь, удельно-вечевая по своему политическому устройству и режиму: православие – язычество («русская сила») – удельно-вечевая государственность – «русский труд».

Московская Русь: самодержавие-православие – язычество – территориальная экспансия – «русский труд».

Имперская Россия: имперская абсолютистская государственность – светская (западноевропейская по типологической природе) культура – православие – территориальная экспансия – «русский труд».

Советская Россия: научно-техническая идеология – классово-идеологическая государственность – индустриальный, коллективистский тип трудовой деятельности.

Научно-технический разум занял место главного системообразующего фактора всего советского периода, породив и свое внешнее материальное «тело» – индустриальный коллективный труд, который и в аграрной сфере заменил собой семейное трудовое хозяйствование на земле. В качестве такового этот фактор оказался недооцененным, и в претензиях к большевистской власти до сих пор звучат такие моменты, как тоталитарный политический режим, репрессивная политика и прочее

в этом роде. Все это верно, но без идеологии поклонения Машине, технике (и уже по необходимости – науке) новой власти не удалось бы совладать с крестьянским морем в России. На примере поэтического творчества С. Есенина видно, как сдает позиции, теряет под ногами почву в лицеизрении «железного коня» крестьянское сознание и культура.

Катастрофой для преемственной трансляции русского характера явилась также полная редукция и перевод в совершенно рецессивное, подавленное состояние таких его детерминирующих констант, как православию и «русский труд». При этом условии не мог не трансформироваться радикально и русский национальный характер, что не раз отмечалось наблюдателями «со стороны» – русскими эмигрантами первой волны. Наконец, крах коммунистического режима и государства в нашей стране в глубокой своей основе также связан с названным фактором – с драматическими просчетами в научно-технической политике в послехрущевский период советской истории, которые обусловили утрату технологической динамики и вытекавшее из этого отставание в экономической сфере в сравнении с Западом.

Разворачивающийся в настоящее время *пятый этап* исторической динамики русского национального характера по своей внешней форме – постмодернистский. Он видится пока как смутный контур новой конфигурации с выходом на ее вершину нового, не бывшего ранее, еще не оформившегося и поэтому не опознаваемого фактора. Основанием для такого утверждения является едва ли не полный разгром господствовавшей на протяжении веков русской формы деятельности (семейное трудовое хозяйство на земле) и органически связанной с ним этнической культуры. В наследие новым поколениям, кроме возрождающегося православия, осталась только элитарная (дворянская по происхождению) русская культура. Этого недостаточно для каких бы

то ни было реставрационных национально-культурных проектов, поскольку глубинная субстанция нации («русская сила»), возможно, необратимо ослаблена. Но все же следует обратить внимание на то, что человеческая личность по своей потенциальности является безмерной, так думал в древней Греции великий Гераклит. И поскольку нация есть «большой человек» (В. С. Соловьев), то в «русской психее» может оказаться заложенным то, что еще не являлось на поверхности исторической жизни.

Чтобы показать, как может «работать» введенная на основе системного подхода схема исторических этапов развития русского национального характера, возьмем лишь одну его распространенную характеристику – «русскую волю». Наиболее точная ее формула предложена знатоком древнерусской литературы Д. С. Лихачевым, который неоднократно своими точными, глубоко прочувствованными высказываниями ставил под сомнение поверхностные представления о русскости. Он пишет: «Воля вольная – это свобода, соединенная с простором, с ничем не прегражденным пространством» [23, с. 12]. Но сразу возникает вопрос: когда могло появиться такое именно качество русской души и где находится такое пространство? Не в дремучих же, да еще болотных, как отмечал В. О. Ключевский, лесах угрофиннов? Ответ на него дает Г. П. Федотов. Пространство – это евразийская степь, то есть совсем не исходный ландшафт ни для славян, ни для финнов, ни для балтов, из которых и состоял первичный этнический субстрат Древней Руси. Федотов пишет о вечной борьбе русских с диким полем, со степняками и вдруг удивляется: «Но странная эта борьба: она как будто чужда ненависти. Овладевая степью, Русь начинает ее любить. <...> Пусть не святые и дикие, но вечно родные степи – колыбель новой русской души. В степях сложилось казачество..., которое своей разбойной удалью подарило

Руси Дон и Кавказ, Урал и пол-Азии. В степях сложился русский характер, о котором мы говорим всегда как о чем-то исконном и вечном» [24, с. 59, 60]. И совсем не обязательно точно по годам или десятилетиям датировать, когда именно это случилось, так как большинство оригинальных суждений о русском характере – «истины в крупном масштабе», как масштабен и сам характер.

Таким образом, проведенный анализ обозначенных в статье методологических позиций позволяет утверждать, что на основе системного, историко-типологического и историко-генетического подходов и методов можно адекватно представить русский национальный характер в сопряжении субстанциальных и феноменологических ракурсов его видения.

Литература

1. Николаев В. Г. Концепции национального характера // *Культурология: энциклопедия*: в 2 т. / гл. ред. С. Я. Левит. – М.: РОССПЭН, 2007. – Т. 1. – С. 23–26.
2. Штейнталь Х. *Грамматика, логика и психология (их принципы и их взаимоотношения)* // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях: в 2 ч. – М.: Просвещение, 1964. – Ч. 1. – С. 127–135.
3. Лурье С. В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 624 с.
4. Вундт В. Проблемы психологии народов // *Преступная толпа*. – М.: Институт психологии РАН, Изд-во «КСП+», 1998. – С. 197–308.
5. Сорокин П. А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии // *О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья*. – М.: Наука, 1990. – С. 563–489.
6. Лазарева Е. М. Этнология Л. Уайта (научно-аналитический обзор) // *Работы Л. А. Уайта по культурологии: сб. переводов*. – М.: ИНИОН РАН, 1996. – С. 9–57.
7. Уайт Л. Наука о культуре // *Уайт Л. Избранное: Наука о культуре*: пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 5–462.
8. Осокин Ю. В. Современная культурология в энциклопедических изданиях. – М.: КомКнига, 1992. – 384 с.
9. Каган М. С. *Философия культуры*. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. – 416 с.
10. Маркарян Э. С. *О генезисе человеческой деятельности и культуры*. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1973. – 146 с.
11. Фулье Л. Психология французского народа // *Революционный невроз*. – М.: Ин-т психологии РАН, Изд-во «КСП+», 1998. – С. 9–250.
12. Бауэр О. Социальный вопрос и социал-демократия: пер. с нем. – СПб.: Книгоизд-во «Серп», 1909. – LIV, 600 с.
13. Аванесова Г. А. Динамика культуры // *Культурология. XX век: словарь*. – СПб.: Университет. книга, 1997. – С. 99–102.
14. Бердяев Н. А. Русская идея // *Бердяев Н. А. Самопознание: Сочинения*. – М.: ЗАО Изд-во «ЭКСМО-Пресс»; Харьков: Изд-во «Фолио», 1997. – С. 11–248.
15. Флиер А. Я. Об исторической типологии российской цивилизации // *Цивилизации и культуры*. – М.: ИФ РАН, 1994. – Вып. 1: Россия и Восток: цивилизационные отношения – С. 94–115.
16. Трофимов В. К. *Душа России: истоки, сущность и социокультурное значение русского менталитета*. – 2-е изд., испр. и доп. – Ижевск: ФГОУ ВПО «Ижевская ГСХА», 2010. – 408 с.
17. Федотов Г. П. *Русский человек (Письма о русской культуре)* // Федотов Г. П. *Судьба и грехи России*: в 2 т. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 163–187.

18. Федотов Г. П. Лицо России // Федотов Г. П. Судьба и грехи России: в 2 т. – СПб.: София, 1991. – Т. 1. – С. 42–46.
19. Федотов Г. П. На поле Куликовом // Федотов Г. П. Судьба и грехи России: в 2 т. – СПб.: София, 1991. – Т. 1. – С. 102–122.
20. Федотов Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). – М.: Прогресс, Гнозис, 1991. – 192 с.
21. Тэн И. Философия искусства. – М.: Республика, 1996. – 350 с.
22. Каргашев В. А. Система систем. Очерки общей теории и методологии. – М.: Прогресс-Академия, 1995. – 325 с.
23. Лихачев Д. С. Заметки о русском // Новый мир. – 1980. – № 3. – С. 10–38.
24. Федотов Г. П. Три столицы // Федотов Г. П. Судьба и грехи России: в 2 т. – СПб.: София, 1991. – Т. 1. – С. 50–65.